

На дворе март 1947 года. Амбар наш на Лермонтова 9а похож на длинный ящик грязно-серого цвета.

Мне шесть лет, младшему брату – два года, старший лежит в больнице с воспалением лёгких.

Мать взяла коромысло, два ведра, ушла на улицу Достоевского за водой. Туалет во дворе, покрыт снегом и льдом. Деревья за окном в куржаке.

Мы одни, и нам холодно, неуютно и голодно.

Братик хнычет, даю ему тёплую водичку с кусочком хлеба, замолкает, но не надолго.

В этот момент кто-то подходит к окну и громко стучит, голос мужской, зычный: «Эй, вы, откройте!» Подхожу к окну, на меня смотрит лицо – серо-лиловое, всё в грубых морщинах, лохматые брови сползли на глаза, борода тоже лохматая, торчит клином, бесцветные, мутные глаза едва видны, но мне они кажутся страшными, злыми. Я убегаю вглубь комнаты и начинаю плакать, младший братик вторит мне.

Тень из окна исчезает. А я всё никак не могу успокоиться. «Что делать? Что же делать?» – думаю я. И решаю выбить окно и уйти на улицу к соседям. Мы на замке, а мамы всё нет. Беру в руки лопату, стоящую в сенях, ударяю по стеклу. Стекло вдребезги. В комнате становится ещё холодней, совсем как на улице, спешно одеваюсь сама и одеваю малыша.

И только мы подходим к разбитому окну и пытаемся вылезти через него на улицу, как во дворе появляется мама. Она идёт медленно, ведра, полные воды, качаются на коромысле и рассеивают по сторонам драгоценные брызги.

Увидев нас, а главное, увидев разбитое окно, она чуть не опрокидывает с плеч коромысло: «Что это?!» – голос у неё срывается, глаза полны слёз. Я впервые вижу мамины слёзы.

Мне становится совсем страшно. «Мама, это я разбила окно, – говорю я срывающимся голосом. – К нам приходил какой-то дядя, я его испугалась». Мама словно не слышит меня, она ставит вёдра и коромыслом ударяет меня по спине. И начинает рыдать в полный голос, чем пугает меня ещё больше. Ведь никогда в жизни она не обижала меня битьём. Вы скажите, вернее, спросите меня: «А причём же тут Пушкин?»

Попытаюсь объяснить. Накануне этого случая папа читал нам стихи. Он знал их много, читал не по книгам, а наизусть. И одно стихотворение из отцовского запасника так впечатлило меня, что я не могла его забыть многие годы, оно меня напугало. Чьё оно, отец не мог вспомнить. И вот, уже работая врачом, читаю снова сочинения Александра Пушкина и, потрясённая, замираю, передо мной его стихотворение «Утопленник»:

*Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца».*

Так вот оно, то самое страшное, что я испытала в детстве! Эта зловещая картина, видимо, и вспомнилась мне, когда в наше амбарное окно в 1947 году постучал страшный неизвестный мужчина, обликом похожий на бродягу. И опять чуть не до смерти испугал меня. Если бы знала об этом мама, она бы не била меня коромыслом. Я очень любила свою маму и никогда не рассказывала ей о своих переживаниях. Их у мамы и без этого было немало.

Теперь о самом стихотворении. В некоторых изданиях оно трактуется, как «простая народная сказка», с чем я не могу со-

гласиться. Вряд ли это определение принадлежит самому поэту. Ведь «сказка» печаталась после его гибели. И попала в собрание сочинений, подготовленное В. Жуковским. А в последующих изданиях указание на «сказку» то присутствует, то отсутствует. В стихотворении А. Пушкина «Утопленник» изображена непридуманная человеческая драма, переданная поэтом с глубоким знанием симптомов тяжёлого душевного заболевания, которое, как правило, является прерогативой врачей-психиатров.

Наш гениальный Пушкин был хорошо ориентирован в этой области медицины.

Постараюсь убедить Вас в этом. А вот почему поэта так интересовала психиатрия – предмет специального изучения, итогом которого, возможно, станет разгадка тайны гибели поэта. Но это лишь версия. Косвенно вернусь к ней в конце нашего разговора.

В стихотворении А. С. Пушкина «Утопленник» при внимательном чтении можно найти точку отсчёта, от которой, на мой взгляд, началась душевная болезнь мужика. Вспомните строчку: «Долго мёртвый меж волнами плыл, качаясь, как живой». Вот это – «как живой» и воплотилось поэтом во всё услышанное и увиденное несчастным мужиком. Ему надо было похоронить покойника, а не пускать его по воле волн. И душа бы его успокоилась.

И не случилось бы с ним этой страшной трагедии. Вот написала это и задумалась, а права ли я? Сомнение, закрававшееся, в душе, заставило опять вернуться к первым строчкам стихотворения. Боже мой, ведь я не увидела в них самое главное!!

А главным было указание на то, что сети, в которые попал утопленник, были собственностью этого мужика:

*«Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца».*

Стало ясно, какая мысль начала вертеться в голове мужика, конечно, мысль о том, что если про это узнают сельчане, они, конечно же, подумают, что он содеял что-то нехорошее и, чтобы скрыть следы своего преступления, утопил несчастного. Конечно, он будет молчать о случившемся, но дети не смогут промолчать. Ведь утопленник их страшно напугал своим обезображенным видом. Причина для возникновения безумного страха у мужичины более существенная, чем страшный вид утопленника. Можно даже сказать, что он попал в безвыходную ситуацию. В любом случае его будут подозревать в преступлении. От этих горьких мыслей мужик лишается покоя, пригрозив детям молчать. Страх, поселившийся в его душе, начинает приобретать такую силу, что начинает сводить его с ума.

Вот как это происходит. Глубокая ночь, завывание ветра...

*Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воет, вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.*

Так начинаются слуховые галлюцинации, и идёт по тексту стихотворения беседа-бред:

*«Кто там?» – Эй, впусти, хозяин! –
Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.*

Пушкин пишет «ленивою рукою», т.е. безвольно – действия мужика как будто кем-то навязаны.

И что же мужик видит, открыв окно? Тут захватит дух у кого угодно, ведь перед ним тот самый утопленник:

*Из-за туч луна катится –
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим.*

*И мужик окно захлопнул,
Гостя голого узнав...*

Зрительные галлюцинации налицо. А дальше по тексту:
*Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»
Прошептал он, задрожав.*

Страшные зрительные галлюцинации приводят к путанице мыслей, затуманенности сознания:

*Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет.
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.*

Зрительные и слуховые галлюцинации сливаются в злое- щий клубок безумия.

И оно, к сожалению, не было временным, а переросло в настоящую болезнь психики, ужесточённую манией преследования, цикличностью приступов:

*Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет.*

Я вместе с А. С. Пушкиным очень сочувствую этому несчастному человеку. Большого несчастья, чем безумие, нет среди болезней человеческих.

Душевные болезни до сих пор неизлечимы и, главное, мало понимаемы среди здравомыслящих людей.

Больные этого рода находятся в изоляции от общества и даже родственников и не получают должного сочувствия и теплоты, в которых очень нуждаются. Фактически они становятся изгоями общества...

Завершая эту статью, я сделала для себя важный вывод, что Пушкина, как никого другого, надо читать очень внимательно и вдумчиво, потому что у него каждое слово на вес золота, тем более, если берёмся за исследование его произведений. И несколько слов об обращении к работе филолога Ю. М. Лотмана «Последняя трагедия Пушкина». Приведённая в этой работе версия о том, что глубинный мотив трагедии Пушкина «можно обозначить как прощание с Литературой», мне кажется справедливым и наиболее близким к истине. Вот как Ю. М. Лотман ведёт и нас к этой мысли: «Сама Литература превратилась для Пушкина в мощный наркотик. Ведь порабощение литературой – это тоже несвобода.

Неуправляемая стихия вымышленной жизни, магия слова – способны заморозить подобно Сирене, убаюкать и завлечь в бездны. Такое нередко случалось с поэтами и писателями всех эпох. На протяжении веков желанию поэтов раствориться полностью в Литературе сопутствовало столь же мощное желание освободиться от неё. Мы знаем, в какие дебри завела Литература Гоголя, Гаршина и многих иных писателей».

Но это только гипотеза, а что стало истинной причиной гибели поэта А. С. Пушкина, мы узнаем ещё не скоро. Впечатляет и его последнее изображение – лицо измученного и поглощённого в эту муку человека.

